

На правах рукописи

БИРЮКОВ Артем Александрович

**МОСКВА В СИСТЕМЕ
МЕЖДУКНЯЖЕСКИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ**

(конец XIV – первая четверть XV века)

07.00.02 – отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Тюмень 2004

Работа выполнена на кафедре отечественной истории
Тюменского государственного университета

Научный руководитель: доктор исторических наук
**Пашин Сергей
Станиславович**

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
профессор
Солодкин Янкель Гутманович

кандидат исторических наук,
доцент
Суэтин Алексей Владимирович

Ведущая организация: Южно-Уральский
государственный университет

Защита состоится 8 апреля 2004 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 212.274.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук в Тюменском государственном университете по адресу: 625003, Тюмень, ул. Ленина, 23, ауд. 516.

С диссертацией можно ознакомиться в Информационно-библиотечном центре Тюменского государственного университета

Автореферат разослан «_4_» марта 2004 г.

*Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук, профессор*

З. Н. Сокова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Проблема образования единого Российского государства является одной из центральных тем в трудах отечественных историков, как дореволюционных, так и советских – достаточно вспомнить классические труды С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, А. Е. Преснякова, Л. В. Черепнина и др. Много внимания уделяется этой проблеме и в новейшей историографии.

Различные этапы развития русской средневековой государственности XIV-XV вв. исследованы далеко не в равной степени. Хорошо изучены эпоха Ивана Калиты, борьба с ордынским игмом в правление Дмитрия Донского, феодальная война второй четверти XV в., правление Ивана III. Однако история Московской Руси в конце XIV – первой четверти XV в., когда явственно обнаружились плоды начавшейся борьбы с игмом и взошли всходы феодальной, а фактически гражданской войны второй четверти XV в. до сих пор оставалась как бы в тени, не становясь предметом специального монографического исследования.

Актуальность темы исследования определяется еще одним обстоятельством. В 90-е годы XX в. были сформулированы два диаметрально противоположных подхода к оценке характера русской средневековой государственности. В. Б. Кобрин и А. Л. Юрганов акцентировали внимание на том, что в процессе политического объединения русских земель «окончательно утверждается власть великого князя как государя» и происходит «постепенное превращение всех его подданных в холопов»¹. В соответствии со вторым подходом, сформулированным Ю. В. Кривошеевым, основная тенденция объединительного процесса выглядит иначе: даже в конце XV – начале XVI вв. реальной социальной основы для абсолютной власти еще не существовало, Иван III – «государь и самодержец» исключительно «в территориальном смысле», его внутренняя политика проводилась с учетом традиций общинности, присущих Северо-Восточной Руси. «Основной социальной

¹ Кобрин В.Б., Юрганов А.Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (К постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4. С. 58.

опорой великокняжеской власти» вплоть до XVI в. является земщина². В настоящее время трудно со всей определенностью высказаться в пользу той или иной концепции, поскольку обе они носят синтетический характер и сформулированы прежде, чем проведены детальные исследования всех этапов развития русской средневековой государственности. Своей работой автор делает еще один шаг в этом направлении.

Состояние научной разработки проблемы. Рассматриваемый период истории Великого княжества Московского не становился предметом всестороннего исследования ни в отечественной, ни в зарубежной историографии. Тем не менее, события политической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – первой четверти XV в. нашли отражение практически во всех обобщающих трудах по истории России (В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский); общих исследованиях, посвященных проблеме образования единого Российского государства (А. Е. Пресняков, В. В. Мавродин, Л. В. Черепнин, А. М. Сахаров, Я. С. Лурье); а также в исследованиях по отдельным направлениям политической истории Московского княжества, Северо-Восточной Руси в целом, соседних земель и государств, международных отношений, истории церкви и общественной мысли.

Впервые политическая история конца XIV – первой четверти XV в. была подробно рассмотрена В. Н. Татищевым³. Н. М. Карамзин, в отличие от В. Н. Татищева, не просто описывал события рубежа XIV-XV вв., но и давал им всестороннюю оценку. Характеризуя правление Василия как «блестящее для России», историограф, вместе с тем, отмечал, что этот князь «не имел любезных свойств отца своего, добросердечия, мягкости во нраве, ни пылкого мужества, ни великодушия геройского». Излагая историю княжения Василия I, Н. М. Карамзин, имел одно важное преимущество над своими преемниками: он располагал текстом Троицкой летописи, которая для них уже стала недоступна.

² Кривошеев Ю.В. Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII-XV вв. СПб., 1999. С. 352-363.

³ Татищев В.Н. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1996. Т. 5. С. 175-232.

Однако историограф часто отступал от этого источника, предпочитая более поздние летописи, главным образом, Никоновскую, хотя и проявлял известный скептицизм в отношении ее «вымыслов», «баснословий» и «изобретений»⁴.

На данные Никоновской летописи опирался в своих построениях и С. М. Соловьев. По его мнению, на «первом плане в княжение Василия Дмитриевича стоят, бесспорно, отношения литовские», при этом как бы за скобками оставались отношения с Золотой Ордой⁵.

В первом крупном обобщающем труде по истории образования единого Российского государства, принадлежавшем перу А. Е. Преснякова, время правления Василия I характеризуется как «тяжкая година неустойчивых, изнурительно-напряженных отношений, непрерывных и безысходных конфликтов»⁶.

Значительным этапом в историографии истории Руси XIV-XV вв. стали труды Л. В. Черепнина⁷. В его капитальной монографии «Образование Русского централизованного государства» несколько параграфов специально посвящено событиям конца XIV – первой четверти XV вв. (главным образом, первым годам правления Василия Дмитриевича). Внимание историка было приковано преимущественно к проблемам, связанным с классовой борьбой, а также с выяснением политических взглядов тех или иных групп «господствующего класса феодальной Руси». Присоединение Нижнего Новгорода и нашествие Тимура Л. В. Черепнин рассматривал на основе анализа различных летописных версий, повествующих об этих событиях. Однако сделано это было без учета генеалогии летописей, хотя достоянием науки уже стали исследования по летописеведению А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, А. Н. Насонова. Характеризуя политику Василия I в 1390-е годы, Л. В. Черепнин отмечал, что московский князь «стремился мобилизовать силы против восточной, ордынской

⁴ Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1993. Т. 5.

⁵ Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. М., 1988. Кн. 2.

⁶ Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918 (переиздание – М., 1998). С. 238.

⁷ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV-XV веков: В 2-х ч. М.; Л., 1948. Ч. 1; М., 1951. Ч. 2; Он же. Образование Русского централизованного государства в XIV-XV вв.: Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960.

опасности» и «одновременно принимал меры к защите западных границ московского княжества».

Последней в ряду обобщающих работ по истории Руси конца XIV-XV вв. должна быть названа монография Я. С. Лурье⁸. Отмечая, что в предшествующих трудах описание событий княжения Василия Дмитриевича не сопровождалось сколько-нибудь полным анализом летописных сводов, ученый провел глубокие источниковедческие разыскания, которые предваряют реконструкцию политической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – XV вв. В центре внимания ученого – русско-ордынские отношения. Главным политическим успехом Василия I Я. С. Лурье считал присоединение Нижнего Новгорода, отмечая при этом, что успех был весьма непрочным, так как суздальскому князю Даниилу Борисовичу на короткое время (1410-1414 гг.) удалось вернуть Нижний Новгород.

Внешняя и внутренняя политика Василия I в 1389-1395 гг. стала предметом рассмотрения в диссертации С. А. Фетищева. В ней исследователь затронул и ряд важных проблем, выходящих за хронологические рамки его работы⁹. Автор пересмотрел устоявшиеся точки зрения на целый ряд фактов московской политики конца XIV в., к числу которых относятся, например, обстоятельства присоединения Нижнего Новгорода к Москве в начале 90-х годов и отношения Василия I с братом Юрием, не имевших, на взгляд этого исследователя, ярко выраженного враждебного характера.

Среди обобщающих трудов по истории Золотой Орды¹⁰ русско-ордынские отношения изучаемого периода выступают сторонним эпизодом. История Золотой Орды конца XIV – начала XV в. рассматривается через призму борьбы Тохтамышя с Тимуром и последующего усиления центробежных тенденций

⁸ Лурье Я.С. Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994.

⁹ Фетищев С.А. Московское великое княжество в системе политических отношений конца XIV в. (1389-1395 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1996.

¹⁰ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950 (переиздание – М., 1998); Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960; Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973; Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М., 1985; Halperin Ch.J. Russia and the Golden Horde: The Mongol Impact on the Medieval Russian History. Bloomington, 1985.

вопреки попыткам Едигея в первом десятилетии XV в. вернуть Золотоордынскому государству его великодержавный статус.

В другой группе работ (А. Н. Насонов, Г. В. Вернадский, Л. Н. Гумилев и др.)¹¹ борьба Тохтамыша с Тимуром, поход Тимура к южным границам Руси и политика Едигея специально рассматриваются с точки зрения влияния этих событий на политическое положение Москвы и Северо-Восточной Руси. А. Н. Насонов, занимаясь исследованием татарской политики на Руси XIII-XIV вв., пришел к выводу о сильном влиянии ордынской дипломатии на политическую структуру княжеств Северо-Восточной Руси. По мнению исследователя, «политика Тохтамыша и его преемников определялась стремлением бороться с усилением Москвы в процессе консолидации Руси и противопоставлять Москве другие княжества».

Подход А. Н. Насонова к оценке русско-ордынских отношений стал доминирующим в советской историографии вопроса. Особенно ярко он прослеживается у И. Б. Грекова, в работах которого концепция А. Н. Насонова приобрела характер упрощенной и противоречащей многим фактам схемы: за любыми историческими событиями историк готов видеть происки ордынских дипломатов¹².

Последние годы были отмечены появлением сразу двух обобщающих исследований по данной проблематике – Ю. В. Кривошеева и А. А. Горского¹³. Согласно Ю. В. Кривошееву, и в XIV в. «в Северо-Восточной Руси функционировала традиционная (для политического строя домонгольской Руси – А. Б.) система городов-государств». Отношения между князьями и ханами не укладывались в рамки простых отношений господства-подчинения, а в основе даннических отношений лежала архаическая система «подарка-отдарка». А. А. Горский применил не менее новаторский подход. Открытое неподчинение Сараю, приведшее к Куликовской битве, было связано не с «борьбой за

¹¹ Насонов А.Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М.; Л., 1940; Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь; М., 2001; Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1993.

¹² Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений восточной Европы XIV-XVI вв. М., 1963; Он же. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV-XV вв.). М., 1975.

¹³ Кривошеев Ю.В. Русь и монголы; Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000.

свержение ордынского ига», о которой в конце XIV в. говорить еще рано, а с тем, что власть в Орде попала в руки нелегитимного правителя (Мамай). После падения законного «царя» Тохтамыша, в период правления нового узурпатора Едигея, снова наблюдается фактическое неподчинение власти Орды.

Тема московско-литовских отношений конца XIV – первой четверти XV в. неоднократно затрагивалась в трудах российских (А. Барбашев, А. Е. Пресняков, И. Б. Греков) и польских исследователей (Ф. Конечный, А. Прохаска, Л. Коланковский, Г. Ловмянский, Е. Охманский). Большинство работ польских историков носит обобщающий характер и посвящено истории Великого княжества Литовского. Отметим статью Х. Ловмянского, в которой автор подчеркивал, что носителями программы государственного объединения всех русских земель были не только московские князья, но и правители Литовско-Русского государства, в том числе Витовт¹⁴.

Гораздо меньше специальных исследований по истории отношений Московского княжества с другими княжествами Северо-Восточной Руси. История Твери конца XIV – начала XV в. рассматривалась в работах В. С. Борзаковского, Э. Клюга и А. Т. Тюльпина¹⁵. К истории Нижегородского княжества обращались П. И. Мельников, Н. И. Храмцовский, В. А. Кучкин, Г. В. Абрамович и Д. С. Таловин.

Московско-новгородские и новгородско-литовские отношения наиболее полно рассмотрены в книге В. Н. Бернадского. В одной из работ В. Л. Янина обосновывается тезис о длительном функционировании системы военного и политического сотрудничества между Новгородом и Литвой. Церковно-политические аспекты конфликтов Москвы и Новгорода рассмотрены А. С. Хорошевым¹⁶.

¹⁴ Ловмянский Х. Русско-литовские отношения в XIV-XV вв. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 269-275.

¹⁵ Борзаковский В.С. История Тверского княжества. СПб., 1876; Клюг Э. Княжество Тверское (1247-1485 гг.). Тверь, 1994; Тюльпин А.Т. Политическая история Великого княжества Тверского в первой четверти XV века // Михаил Тверской: личность, эпоха, наследие. Тверь, 1997. С. 162-176.

¹⁶ Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961; Янин В.Л. Новгород и Литва: Пограничные ситуации XIII-XV вв. М., 1998; Хорошев А.С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980.

Н. С. Борисов в своей обобщающей монографии по истории русского православия в эпоху образования единого государства пришел к выводу, что церковь «проводила собственную политическую линию, иногда параллельную, а иногда и весьма далеко отходившую от политического курса московских князей»¹⁷. С учетом этого тезиса многие проблемы московско-литовских и московско-новгородских отношений, даже те, которые считались изученными наиболее хорошо, зачастую предстают в новом свете.

Важное значение для установления конкретных фактов политической истории имеют труды по исторической географии Руси (М. К. Любавский, В. А. Кучкин) и Золотой Орды (В. Л. Егоров). Ценный фактический материал о представителях княжеских и боярских родов изучаемого времени содержится в генеалогических исследованиях Р. В. Зотова, А. В. Экземплярского, С. М. Кучиньского, С. Б. Веселовского, А. А. Зимина.

Приведенный историографический обзор показывает, что политическое развитие Москвы и, в целом, Северо-Восточной Руси конца XIV – первой четверти XV в. не раз привлекало внимание историков. Было изучено большое количество материалов, связанных с нашей темой, исследованы отдельные аспекты междукняжеских и международных отношений. Но общей работы, специально посвященной этому периоду российской истории, нет. Такая историографическая ситуация и стала причиной написания нашего труда.

Цель исследования – выяснить место Москвы в системе междукняжеских и международных отношений в период правления московского великого князя Василия Дмитриевича (1389-1425 гг.).

В соответствии с целью исследования ставятся следующие задачи:

- максимально полно и точно восстановить ход и хронологию событий княжения Василия Дмитриевича;
- проанализировать особенности московско-ордынских и московско-литовских отношений на различных отрезках изучаемого периода;

¹⁷ Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе XIV-XV веков. М., 1986. С. 194.

– определить место Москвы в политической системе Северо-Восточной Руси конца XIV – первой четверти XV в.;

– выявить основные тенденции и закономерности внутренней и внешней политики Московского великого княжества.

Хронологические рамки исследования ограничены периодом с 1389 по 1425 г. Смерть Дмитрия Донского и вступление на престол Василия I в 1389 г. сразу же повлекли за собой существенные изменения во внутренней и внешней политике Московского великого княжества. Верхней границей исследования служит 1425 г. – год смерти Василия Дмитриевича и начала так называемой феодальной войны второй четверти XV века.

Объектом исследования в работе выступает роль Москвы в системе междукняжеских и международных отношений конца XIV - первой четверти XV в. Под междукняжескими и международными отношениями нами понимаются: 1) отношения Москвы с другими политическими центрами Северо-Восточной Руси и Рязанским княжеством; 2) отношения московского великого князя и удельных князей, т.е. внутри княжеской династии Калитовичей; 3) московско-ордынские и московско-литовские отношения; 4) отношения великокняжеской власти с республиками Северо-Западной Руси – Новгородом и Псковом. **Предметом исследования** является внешняя и внутренняя политика Московского великого княжества в изучаемый период.

Обзор источников. Из отечественных источников наибольшее количество информации по политической истории Московского великого княжества в изучаемый период содержат летописи¹⁸.

Наиболее ранним памятником летописания Северо-Восточной Руси изучаемого периода является Троицкая летопись, или Свод 1408 г. – во многом, исходный памятник московского летописания. По мнению С. Я. Лурье, «в

¹⁸ В дальнейшем характеристика летописных памятников и их не дошедших до нас протографов дается на основе исследований: Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV-XVI вв. М.; Л., 1938; Приселков М.Д. История русского летописания XI-XV вв. Л., 1940; Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969; Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV-XV вв. Л., 1976; Он же. Две истории Руси XV века; Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI-XVII веков. М., 1980.

последующем летописании (не только в летописании XVI в., но и в общерусском летописании XV в.) не обнаруживается никаких следов московского летописания XIV в., которые не отразились бы в Троицкой летописи».

Возникший в середине XV в. Рогожский летописец имеет своими источниками тверскую обработку Свода 1408 г. и тверской свод второй половины XIV в. Эти тверские памятники непосредственно отразились и в поздней (конца XV в.) Симеоновской летописи.

Новгородская IV и Софийская I летописи восходят к общему протографу – своду (вероятнее всего, митрополичьему), датируемому, по разным оценкам, от конца 10-х до 30-х годов XV в. Он имел в своей основе общерусский свод начала XV в., а также новгородский и ростовский своды, возникшие в тот же период. Новгородское летописание представлено Новгородской I летописью младшего извода. В ростовском своде, отразившемся и в Московской Академической летописи, содержится ряд уникальных известий начала XV в.

Имеющее в своей основе Софийскую I летопись московское великокняжеское летописание второй половины XV – начала XVI в. представлено памятниками конца этого столетия – Никаноровской, Вологодско-Пермской, Ермолинской и Типографской летописями, Московским сводом конца XV в., а также сводами 1497 г. (Прилуцкая летопись) и 1518 г. (Уваровская летопись).

Один из поздних этапов московского летописания представлен Львовской и Софийской II летописями, в основе которых лежит Свод 1518 г., а также летописями Воскресенской и Софийской I по списку И. Н. Царского.

Особый интерес представляет тверская летописная традиция конца XIV – первой половины XV в. отразившаяся, помимо Рогожского летописца, в Тверском сборнике. Тверской сборник был создан в 1534 г. В нем представлена официальная точка зрения тверских князей.

Значительное число сведений по истории княжеств Северо-Восточной Руси конца XIV – первой четверти XV в. содержится в Никоновской летописи.

Многие из них отсутствуют в других источниках. Никоновский свод был составлен в конце 20-х годов XVI в. при митрополичьей кафедре под непосредственным руководством митрополита Даниила. Он объединил все существовавшие до него летописные традиции и включает в себя сведения общерусского, московского, тверского, новгородского, ростовского, рязанского происхождения.

Значительную информацию о междукняжеских и международных отношениях изучаемого периода дают акты и договорные грамоты московских князей (между собой, с князьями других русских земель и Литвой) и договоры Новгорода (с русскими князьями и международные).

Методология исследования. Одним из основополагающих методологических принципов для автора работы является *историзм*. Применительно к исследованию политической истории средневековой Руси использование этого принципа предполагает выяснение причин политических событий и процессов, динамики их развития в контексте меняющейся политической реальности, места и роли политических изменений в жизни средневекового общества.

Не менее важен для нас и принцип *объективности*. Принцип объективности предполагает выявление всех фактов, характеризующих предмет изучения; вскрытие глубинных корней явлений; анализ фактов в единстве действительного и возможного; максимально возможную нейтрализацию предвзятости при их оценке и интерпретации.

Наряду с общенаучными принципами в работе использовались специальные исторические методы и приемы: *синхронный* (изучение всей совокупности фактов в каждый хронологический период), *сравнительно-исторический* (сопоставление одновременных и разновременных явлений, а также их пространственно-временных характеристик), *историко-генетический* (последовательное раскрытие свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения). При работе над темой

приоритет отдавался хронологическому принципу изложения и структурирования материала.

Научная новизна диссертации заключается в том, что впервые в отечественной и зарубежной историографии предметом специального исследования стала политическая история Московского великого княжества в один из наиболее малоизученных периодов российской истории.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его материалы могут быть использованы при изучении истории Руси и соседних стран конца XIV – первой четверти XV в., а также в спецкурсах и спецсеминарах по истории образования единого Российского государства.

Апробация работы. Основное содержание отражено в выступлениях на всероссийских и региональных научных конференциях и публикациях автора. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры отечественной истории Тюменского государственного университета.

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений и списка использованных источников и литературы.

Во **введении** раскрывается актуальность темы исследования, определяются его объект и предмет, хронологические рамки, характеризуется методология, дается обзор историографии и источников.

В **первой главе** – «Между Сараем и Вильно (1389-1399 гг.)» – рассматриваются основные политические проблемы первого периода пребывания Василия Дмитриевича на московском великокняжеском столе. Глава состоит из трех параграфов.

В **первом параграфе** – «Вступление Василия I на престол (1389-1391 гг.)» – рассматривается внутри- и внешнеполитическая ситуация, с которой столкнулся сын и преемник Дмитрия Донского на рубеже 80-90-х годов XIV в. Уже в первые месяцы княжения Василия I политический курс Дмитрия Донского был подвергнут существенной корректировке. Происходит

урегулирование либо смягчение ряда конфликтных ситуаций, унаследованных от предыдущего правления.

Размолвка Василия I с Владимиром Андреевичем Серпуховским, начавшаяся на исходе лета 1389 г., в январе 1390 г. заканчивается выработкой компромисса. Фактически князья вернулись к статус-кво, существовавшему до московско-серпуховского «розмирья» в феврале-марте 1389 г., когда Дмитрий Иванович отобрал у Владимира Андреевича Дмитров и Галич. Серпуховскому князю давались «в вудел и в вотчину» Волок Ламский и Ржева. Василий I не только восстанавливал внутримосковскую политическую стабильность, но и приобретал влиятельного сторонника.

С приходом нового князя была пересмотрена и позиция Москвы по отношению к т.н. «смуте на митрополии» и митрополиту Киприану как одному из ее главных действующих лиц.

После кончины Дмитрия Донского происходит оживление контактов Москвы с Ордой. Вместе с тем, Василий I стал первым великим князем, получившим ханский ярлык без поездки в Орду.

Брак Василия I с Софьей Витовтовной в январе 1391 г. на первых порах вряд ли имел серьезные дипломатические последствия. Сближение с Витовтом могло стать сближением с Литвой только после 1392 г., когда по Островскому договору с Ягайлом Витовт занял литовский престол. Но период действительно тесного сотрудничества между Москвой и Литвой наступит только в 1395-1396 гг., когда переменится ситуация в Орде.

Во **втором параграфе** – «Великий князь "всея Руси" (1392-1395 гг.)» – прослеживается политика Василия I в период максимальных политических успехов этого московского князя.

После поражения от Тимура в 1391 г. Тохтамыш оказался в сложном положении. Восстанавливая утраченные позиции в государстве и остро нуждаясь в средствах, ордынский хан допустил значительное усиление влияния московского великого князя. По словам летописца, Василий I, побывав в Орде в 1392 г., «прият от царя» (Тохтамыша) такую «честь», какую «ни един от

прежних великих князей не прият тако ни у которого царя». В ходе своей поездки московский князь получил ярлыки не только на Муром и Тарусу, стоявшие на очереди еще в первые месяцы его княжения, но и на Нижний Новгород, Городец и Мещеру.

Выполняя даннические обязательства перед «царем», Василий I затребовал у Великого Новгорода «черный бор» по всем новгородским волостям (наперекор обычаю, по которому ордынской данью в Новгороде облагался только Торжок) и «княжчины» (по-видимому, земельные владения великого князя в «сместных владениях» Москвы и Новгорода). Великого князя поддержал и митрополит, видевший в таком шаге единственную возможность покончить с автокефальными устремлениями новгородской архиепископии. В итоге к концу 1393 г. новгородцы пошли на мировую и дали согласие выполнить условия великого князя и митрополита.

С 1394 г. можно говорить о первом сопротивлении московскому присутствию в Нижнем. Василий Кирдяпа и Семен Дмитриевичи, ставшие во главе рода суздальских князей после смерти Бориса Константиновича, бежали в Орду.

В 1395 г. Тохтамыш потерпел сокрушительное поражение от войск Тимура. В августе Тимур оказался у южных границ Руси и захватил город Елец, представлявший собой буферное политическое образование со смешанным русско-татарским населением и считавшийся территорией Золотой Орды. По-видимому, Тимур не имел цели захватить Русь, он лишь разорял земли, напрямую подчинявшиеся Тохтамышу.

Последующий период был отмечен усилением почитания иконы Владимирской Богородицы, большое количество списков которой появляется в начале XV в. С богородичным культом оказываются связаны чуть ли не все строительные и иконописные работы, широко развернувшиеся в Московском княжестве в 90-е годы XIV в.

Третий параграф – «Падение Тохтамыша и смена внешнеполитических ориентиров (1395-1399 гг.)» – посвящен московской политике после похода

Тимура 1395-1396 гг. Следствием похода стало кардинальное изменение ситуации в Орде: не только резко ослабла военная мощь, но и надолго установилась политическая нестабильность. С этого времени фактическим правителем Орды стал эмир Едигей, который непрерывно оставался у власти до 1411 г., сажая «царей» по своему усмотрению. Это не в последнюю очередь повлияло на смену внешнеполитического курса Московского великого княжества. Прекращается не только выплата дани, но и дипломатические контакты со степью.

В 1395 г. состоялось присоединение Смоленского княжества к Литве. Приближение литовской границы в Москве восприняли с меньшими опасениями, нежели неопределенную ситуацию в Орде. Свидание Василия I с Витовтом в Смоленске на Пасху 1396 г. выглядит как официальное признание произошедших изменений. Более того, нейтралитет Москвы в литовско-рязанской войне оказался непоследовательным: в 1396 г. Василий I вынудил Олега Рязанского отказаться от осады Любутска и принимал Витовта в Коломне во время литовского похода на Рязань.

Весной 1397 г. Василий I впервые попытался установить контроль над Двинской землей. Посол великого князя предложил двинянам отложиться от Новгорода и встретил полное понимание. Их привлекали широкие льготы, предоставленные великокняжеской Двинской уставной грамотой 1397/98 г. Тогда же Василием I были отняты у Новгорода «сместные» владения (включая Торжок). После безрезультатных переговоров осенью 1397 г. новгородцы перешли под покровительство Витовта. Поход «охочей рати» на Двину в следующем году восстановил власть Новгорода над Заволочьем. Потеряв Заволочье и оказавшись в дипломатической изоляции, Василий I в конце 1398 г. вынужден был пойти на мир с Новгородом.

Недовольный этим соглашением Витовт в начале 1399 г. разорвал отношения с Новгородом. В этих условиях заключается союз Москвы и Твери, направленный против Литвы и ее союзников – Польши и Тевтонского ордена.

После поражения на Ворскле в августе 1399 г. внешняя политика Витовта на время утрачивает присущий ей динамизм. Отношения Литвы с Москвой, Новгородом и Тверью возвращаются на круги своя лишь осенью-зимой 1400 г.

Вторая глава – «От битвы на Ворскле до "Едигеевой рати" (1400-1408 гг.)» – включает три параграфа.

Первый параграф – «В союзе с Витовтом (1400-1405 гг.)» – посвящен внутри- и внешнеполитическим проблемам, с которыми московское правительство столкнулось в первые годы XV в. Около 1400 г. достигли совершеннолетия (были «отпущены на удел») младшие братья Василия I – Андрей и Петр Дмитриевичи, в связи с чем из-под контроля великокняжеской администрации выходят Можайско-Белозерский и Дмитровский уделы. Активно обустроивается Звенигородский удел Юрия Дмитриевича, в 1400 г. вернувшегося из похода на Среднюю Волгу и сразу же взявшего в жены дочь Юрия Смоленского.

Мир с Литвой, заключенный Василием I осенью 1400 г., создал оптимальные внешнеполитические условия для «повторного рассмотрения» двинского вопроса. Однако предпринятые в 1401 г. решительные действия великокняжеской власти и удержание митрополитом в Москве новгородского архиепископа Ивана не повлекли за собой пересмотра «старинных» московско-новгородских отношений. После этого конфликт Василия I и Киприана с Новгородом приобрел вялотекущий характер и к 1404 г., когда был освобожден из московского «нятья» владыка Иван, постепенно сошел на нет.

Не было благоприятным и отношение Москвы к реставрации Юрия Святославича на смоленском столе. Выступление смольнян против Литвы было мотивировано не «национально-освободительной борьбой», а недовольством жесткой налоговой политикой и новым смоленским наместником. В духе докончания 1400 г. Василий I поддерживал мирные отношения со своим тестем и не вмешивался в ситуацию вокруг Смоленска.

В 1401-1402 гг. было окончательно подавлено сопротивление Семена Суздальского московскому присутствию в Нижнем Новгороде. Симптоматично, что Василию I удалось совладать с сепаратизмом нижегородско-суздальских князей накануне восстановления контактов с Ордой (1403 г.). После того, как в 1402 г. от борьбы с Литвой отказалось Рязанское княжество, новым союзником Юрия Смоленского стал Новгород Великий. В ноябре 1402 г. Москва подписала выгодный договор с Рязанью и, по-видимому, унаследовала ее сферу влияния. Стабильно выглядят на первых порах и отношения Москвы с Тверью. Зимой 1403-1404 гг., на новом витке «вражды» между Иваном Тверским и Василием Кашинским, московский великий князь был заинтересован в скорейшем улаживании конфликта. Вторичное пребывание Василия Кашинского в Москве, затянувшееся с июня 1405 по май 1406 г., свидетельствует о кризисе в московско-тверских отношениях. Великий князь Тверской полностью следовал в фарватере смоленской, а потом и новгородской политики Витовта, вплоть до разрыва Василия I с Витовтом.

Весной 1404 г. Юрий Смоленский попросил московского князя о помощи против Литвы, «даючися ему сам и со всем своим княжением». Оказать поддержку Василий I не захотел или не успел: во время пребывания Юрия в Москве, Смоленск был захвачен литовцами, после чего смоленский князь спешно бежал в Новгород. Это способствовало обострению отношений с Витовтом, который потребовал от Василия I выдачи Юрия Святославича на основании сюзеренитета Москвы над Новгородом.

Второй параграф – «Московско-литовское «нестроение» (1406-1408 гг.)» – открывается рассмотрением международной ситуации, приведшей к самому серьезному конфликту с Литвой за все годы княжения Василия I. После захвата Смоленска главным направлением экспансии Витовта стал Новгород. Поход в Псковскую землю в феврале 1406 г. был для Витовта инструментом давления на Новгород и поэтому не мог не привести к полной разбалансировке московско-литовских отношений. В ходе ответной акции (в порядке мести за литовский набег) псковичи «повоевали» Ржеву Пустую и Великие Луки. Хотя

эти волости были новгородскими лишь номинально, этого оказалось достаточно, чтобы «старший брат» отвернулся от Пскова. Князь Петр Дмитриевский, приехавший с военной помощью из Москвы в Новгород, вынужден был спешно его покинуть.

Еще один узел московско-литовских противоречий выявился на территории Верховских княжеств. Неудачи московских воевод под Вязьмой и Серпейском и проникновение литовцев в глубь московской территории вплоть до Можайска летом 1406 г. вызвали прилив дипломатической активности у Василия I. Накануне сентябрьского «стояния на Плаве», главного военного события 1406 г., ему удалось получить военную помощь из Орды и восстановить тесный союз с Тверью. Однако ведущиеся Василием I на Плаве переговоры оттолкнули от московского князя его тверских и ордынских союзников.

В мае 1407 г., по истечении срока перемирия, война возобновилась. Литовцы взяли Одоев, а затем «глубле вступиша» в московские земли. Приблизительно в то же время в Новгород «на пригороды» был приглашен литовский князь Лугвень Ольгердович. Тем не менее, на исходе лета Василий I лично возглавил поход на Смоленск. После безрезультатной осады Вязьмы, лишенный поддержки тверичей и ордынцев великий князь заключил с Витовтом мир. Судя по списку, найденному А. Л. Хорошкевич, его условия в целом совпадали с условиями аналогичных докончаний 1396 и 1400 гг.

Война с Литвой возобновилась после улучшения отношений с Ордой в августе 1408 г. На этот раз целью великокняжеских войск было возвращение Брянска князю Свидригайлу Ольгердовичу, отъехавшему на московскую службу в июле. Во время «стояния на Угре» был заключен мир, одним из условий которого было урегулирование отношений Литвы и Пскова.

На следующий год война не возобновилась: весной 1409 г. Витовт принял псковичей в докончание. На это его толкал назревавший конфликт с Орденом, а также сложная этноконфессиональная ситуация в Великом княжестве

Литовском. Василий I, силы которого были истощены «Едигеевой ратью», был заинтересован продолжении войны еще меньше.

В третьем параграфе – «Русско-ордынские отношения накануне 1408 г. Нашествие Едигея» – прослеживается политика Василия I в отношении Орды, а также состояние ордынско-рязанских и ордынско-тверских отношений в преддверии набега Едигея 1408 г.

Установление отношений с Ордой Едигея в 1403 г. привело к попыткам последнего добиться возобновления уплаты ордынского выхода, т.е. хотя бы частично восстановить сюзеренитет ордынского хана над Московским великим княжеством. Однако в глазах московской элиты Едигей, как и Мамай за четверть века до этого, должен был выглядеть «узурпатором», а ордынская власть – лишенной легитимных оснований. Сотрудничество по антилитовской борьбе в 1406 и 1408 гг. можно расценивать как следствие политической игры, которую вел Василий I. Ни возобновлять выплату дани, ни портить отношения с Едигеем в Москве не собирались.

Автор в основном присоединяется к реконструкции предпосылок нашего нашествия и его событийной стороны, проведенной А. А. Горским, Ю. В. Селезневым и др. При этом необходимо учитывать центонно-парафразаговый характер Повестей о нашествии Едигея (Сводов 1412, 1479 гг. и Тверского сборника): основной акцент, хотя и в различной степени, делался здесь на осмыслении ордынского нашествия. Современниками и их ближайшими потомками события 1408 г. воспринимались как кара Божья за людские грехи.

Реконструировать представления летописца позволяет анализ Повести о Едигее, дошедшей в составе свода 1412 г. В предшествующий период княжения Василия I «земля Русская» благоденствовала, охраняемая от вторжений степняков «ограждением Пречистыя Богоматери» (по-видимому, намек на 1395 г.). Однако непосредственно перед катастрофой 1408 г. великий князь пренебрег советом «старцев» и допустил на Русь татар, увидевших, что «Русь не желателни суть на кровопролитье, но суть миролюбци, ожидающе правды». Это, по мысли летописца, и подтолкнуло Едигея к нападению.

Последнее стало возможным из-за роковой ошибки Василия I, который «вдал во одержание» католика Свидригайла город Владимир («стол земли Русския»). Вместе с тем, эту повесть можно рассматривать и вне контекста эсхатологических ожиданий: «окаянный» Едигей не способен «исторгнуть корень благочестия» и уходит из-под Москвы вследствие покаяния «христиан», заступничества Богородицы и митрополита Петра.

Третья глава – «В преддверии феодальной войны (1409-1425 гг.)» – состоит из двух параграфов.

В первом параграфе – «От проблемы Нижнего Новгорода к кризису московско-литовских отношений (1409-1416 гг.)» – прослеживаются наиболее важные темы московской политики в первые годы после нашествия Едигея: нижегородский вопрос, отношения Москвы с Ордой и Литвой.

Заметная роль двинского боярина Анфала Никитина в ушкуйном походе 1409 г. на Волгу и поддержка, оказанная Василием I «охочей» рати, обрушившейся тогда же на Нижний Новгород, говорят в пользу того, что Нижний ушел из-под контроля Москвы в результате нашествия 1408 г. Положение Даниила Борисовича, севшего при поддержке Едигея на нижегородском столе, было, однако, нестабильным. До 1412 г., в котором Даниил получает ярлык на Нижний Новгород из рук законного «царя» Джелал-ад-дина, город переходил из рук в руки по меньшей мере дважды: в 1409 и 1410-1411 гг. Василию I на короткий срок удавалось восстановить свое присутствие здесь. В январе 1411 г. первый и последний раз за всю историю конфликта Москва и нижегородские князья сошлись в открытом бою, и Москва потерпела поражение, что, по-видимому, позволило Борисовичам вернуться на нижегородский стол и занимать его до января 1415 г.

В 1412 г., после того, как Едигей временно утратил доминирующее положение в степи, и в Орде воцарился старший сын Тохтамыша, Василий I и остальные великие князья Северо-Восточной Руси – нижегородский, тверской, ярославский – поспешили продемонстрировать свою лояльность. Уплата ордынского выхода возобновилась, что привело к нормализации московско-

ордынских отношений. Тохтамышевичи, тем не менее, отказались подтвердить Василию I нижегородский ярлык, выданный их отцом, поэтому великий князь медлил с активными мероприятиями по возвращению Нижнего вплоть до вытеснения Едигеем сыновей Тохтамыша из Сарая в 1414 г. В дальнейшем Орда снова отказывается в поддержке суздальским князьям: в 1414-1416 гг. в Москву прибывают Александр Иванович, его отец Иван Борисович, сын Василия Кирдяпы Иван, а в 1417 г. – и основной претендент (старший нижегородский «отчич») Даниил Борисович.

Резкое охлаждение в отношениях Москвы и Литвы приходится на вторую половину 1410-х годов. Оно связано с попыткой Витовта создать самостоятельную церковную организацию в литовских землях. В 1414-1415 гг. собор литовских иерархов по приказу Витовта низложил Фотия, приехавшего в Москву в 1410 г., и выбрал митрополитом Григория Цамблака. Эти события протекают на фоне обострения отношений между Москвой и Вильно, о чем свидетельствует отъезд в Литву зимой 1414-1415 гг. Ярослава Владимировича, одного из серпуховских князей.

Во **втором параграфе** – «Обострение вопроса о престолонаследии и сближение с Литвой (1417-1425 гг.)» – рассматривается московская политика в последние годы княжения Василия I.

В 1420-1421 гг. в Москве дважды побывало литовское посольство; тогда же Витовт признал Фотия в качестве митрополита «всей Руси». Пришло время очередного сближения Москвы с Литвой. Главным лейтмотивом для Витовта послужило приближение войны с Тевтонским орденом, для Василия I – обострение вопроса о престолонаследии. В духовной грамоте 1423 г. Василий I поручил («приказал») княжича Василия опеке своего тестя, но еще до составления этой духовной Витовт дал согласие «печаловаться» о сыне московского князя.

В тексте двух последних духовных Василий I называет Витовта «братом». Москва сохраняет некоторое влияние в верховьях Оки. Похоже, что Москва не играла ярко выраженной подчиненной роли в московско-литовском тандеме. В

то же время, когда псковичи в 1423 г., узнав о военных приготовлениях Витовта, попытались заручиться поддержкой великого князя, Василий I «не учиниша ничтоже».

Смерть в 1417 г. его старшего сына Ивана не только актуализировала вопрос о престолонаследии, но и привела к всплеску сепаратизма нижегородских князей: в 1417-1418 гг. из Москвы «отъехали» Даниил и Иван Борисовичи. В 1423 г. Нижегородское княжество снова перешло к Даниилу Борисовичу. В ходе конфликта 1419 г. между великим князем и его братом Константином последний отказался признать права малолетнего Василия – сына Василия Дмитриевича, родившегося в 1415 г., и был вынужден уехать в Новгород, где оставался до 1421 г. Ссора между князьями была урегулирована не ранее 1423 г.: подпись Константина стоит только под последней духовной грамотой Василия I, составленной около 1424 г. Второй по старшинству после Василия I сын Дмитрия Донского, Юрий Звенигородский, к середине 20-х годов XV в. занял непримиримую позицию и не принимал участия в составлении духовных великого князя 1423-1424 гг.

В заключении диссертации подводятся основные итоги исследования.

Внешнеполитические успехи начала княжения Василия I – ликвидация Суздальско-Нижегородского великого княжения, присоединение ряда территорий, ранее никогда не находившихся под властью московских великих князей, победа над Великим Новгородом в войне 1392-1393 гг. – были тесно связаны с ордынской политикой нового великого князя. Как и в последние годы правления Дмитрия Донского, важным элементом отношений с Ордой оставалось признание ханом лидирующей роли Москвы в Северо-Восточной Руси.

Следствием торжества политической нестабильности в Орде после похода Тимура 1395 г. и свержения Тохтамыша стало кардинальное изменение внешнеполитической ориентации, во многом под воздействием таких сформировавшихся еще в начале 90-х годов факторов, как династический союз Москвы с Витовтом (1390-1391 гг.), признание Витовта главой Великого

княжества Литовского и внутренняя стабилизация в Литве (1392-1394 гг.), а кроме того, политика Киприана, направленная на сохранение целостности митрополии «всёя Руси» (с 1390 г.).

Сотрудничество Василия I и Витовта, достигнув своего пика в 1396-1397 гг., уже к началу 1399 г. сменилось открытой конфронтацией. Реставрация хана Тохтамыш на сарайском престоле, входившая в планы Витовта, несла в себе серьезную угрозу статус-кво в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. Агрессивные планы литовского князя стали причиной возникновения беспрецедентной коалиции, в которой приняли участие Москва, Новгород, Псков и Тверь. Устойчивость нового союза не подверглась проверке в боевых условиях, ибо армия Витовта потерпела поражение от ордынских войск на Ворскле. После заключения мира с Витовтом осенью 1400 г. московско-новгородско-тверской союз незаметно сошел со сцены: на протяжении 1401 г. Великое княжество Московское конфликтует с Тверью и Новгородом.

Создание уделов младших сыновей Дмитрия Донского – Андрея и, возможно, Петра (1399 г.), а также Константина (около 1407 г.), протекает на фоне враждебных отношений с Литвой. После того, как Витовт зимой 1400-1401 гг. «принял» новгородцев под свое покровительство, те потеряли сколько-нибудь серьезный стимул следовать в фарватере московской великокняжеской политики. В то же время, мир с Литвой, заключенный Василием I осенью 1400 г., создал оптимальные внешнеполитические условия для «повторного рассмотрения» двинского вопроса. Против Новгорода, совместно с великим князем, выступил и митрополит, для которого, как и в 1392-1393 гг., была актуальна проблема т.н. «месячного» суда.

Очередное «розмирье» с Новгородом не принесло особых результатов для великокняжеской власти, во многом – из-за сложной международной обстановки. Роль Москвы на первом этапе смоленского кризиса 1401-1404 гг. нет необходимости преувеличивать: у смольнян в первые годы после поражения на Ворскле было немало причин для недовольства внутренней политикой Витовта. Судя по всему, не позднее осени 1400 г. сотрудничество с

Литвой было возобновлено в прежнем объеме. В 1401-1402 гг. московский великий князь был занят нижегородской проблемой: Москве удалось нейтрализовать притязания старшей ветви суздальских князей на Нижний Новгород.

Поскольку перспективным направлением литовской экспансии после окончательного захвата Смоленска в июне 1404 г. являлся Новгород, столкновение с Витовтом было неизбежным. Война 1406-1408 гг. не привела к значительному перераспределению баланса сил в пользу какой-либо из враждующих сторон.

Нашествие Едигея, при всей тяжести в экономическом плане не имело далеко идущих политических последствий. Пожалуй, единственное исключение – потеря Нижнего Новгорода, который, тем не менее, в 1415-1423 гг. снова оказывается в руках Василия I. Возобновление в 1412 г. выплаты выхода надолго стабилизировало московско-ордынские отношения. В начале 20-х годов XV в. улучшаются и отношения с Литвой. В последние годы княжения основной проблемой для Василия I становится вопрос о престолонаследии. Главная угроза лидирующей роли Москвы в объединительном процессе теперь исходила не столько от Литвы или Орды, сколько от соотношения сил внутри московского княжеского дома.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Бирюков А.А. Из истории московско-литовских отношений конца 90-х гг. XIV в. // Тюменский исторический сборник. Тюмень, 2002. Вып. 5. С. 7-12. 0,4 п. л.
2. Бирюков А.А. Северо-Восточная Русь и Литва в начале XV века // Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора П. И. Рощевского (Тюмень. 15 марта 2000 года). Тюмень, 2003. С. 33-45. 0,5 п. л.
3. Бирюков А.А. Борьба Василия I за Нижний Новгород после нашествия Едигея (1409-1415 гг.) // Тюменский исторический сборник. Тюмень, 2004. Вып. 6. С. 75-85. 0,5 п. л.